

УДК 94(47)“186/187”

С. Н. Рудник

На пути к всеобщей воинской повинности: Д. А. Милютин и «закат» рекрутчины

В ряду военных реформ 1860—1870-х гг. в России особое место занимает переход от рекрутского набора к всеобщей воинской повинности. Большую роль в разработке идеи равенства всех сословий в ратном деле защиты Отечества сыграл военный министр Д. А. Милютин. Он и его единомышленники понимали, что в новых исторических условиях рекрутские наборы не могли решить задачу укрепления армии. Но отказ от рекрутчины и переход к новой форме комплектования армии занял несколько лет. В статье показано, как реформаторы постепенно пришли к коренному пересмотру системы призывов в армию.

Ключевые слова: армия, рекрутчина, всеобщая воинская повинность, военная реформа, резерв, ополчение, устав, общество.

В богатой биографии выдающегося военного министра Дмитрия Алексеевича Милютина (1816—1912) введение всеобщей воинской повинности, ставшей вершиной всех военных преобразований 1860—1870-х гг., занимает особое место. Над необходимостью реформирования системы рекрутских наборов он начал думать еще во время Крымской войны. Летом 1853 г. военный министр князь В. А. Долгоруков привлек Д. А. Милютина к работе в своем ведомстве, затем он был причислен к Военно-походной канцелярии императора, произведен в генерал-майоры и назначен в свиту его величества. В декабре 1855 года, накануне важного совещания у императора, на котором решался вопрос, продолжать войну или во что бы то ни стало заключить мир, В. А. Долгоруков беседовал с Милютиным и, по словам последнего, они «оба пришли к грустному заключению, что при наших истощенных средствах продолжать упорную войну, без всяких шансов на лучший оборот дела — значит окончательно губить страну». По просьбе военного министра Милютин составил записку «в виде программы к предстоящему на следующий день совещанию». В ней он, в частности, написал о том, что «источник дальнейшего пополнения наших армий уже почти истощен», так как во время войны «для увеличения силы армий и поддержания ее в течение трех лет» пришлось прибегнуть к «усиленным» рекрутским наборам (за годы войны их было шесть) и «призывам ополчения». Очевидно, что необученные рекруты и ополчение не могли «равняться с регулярными, старыми войсками» [4, с. 404—405].

Мысли о предстоящих преобразованиях не покидали Д. А. Милютина и после совещания, на котором все участвовавшие в нем, за исключением графа Блудова, заявили о необходимости заключить мир. В январе 1856 года он, генерал-майор свиты его величества, сделал первый «черновой набросок» будущих реформ под названием «План временных преобразований». Первым пунктом в этом проекте значилось «уничтожение военных поселений», а четвертым — необходимость «преобразовать систему резервов и пополнения армии» [10, л. 1]. В феврале того же года Д. А. Милютин был введен в состав специальной комиссии «для улучшения по военной части», образованной 20 июля 1855 года под председательством генерала Ф. В. Ридигера. Среди тех, с кем будущий военный министр обсуждал нынешнее военное устройство России, был его родной дядя граф Павел Дмитриевич Киселев, возглавлявший в то время Министерство государственных имуществ. По словам Милютина, в эти годы он сблизился с ним, часто обедал у него, «иногда вместе с братом Николаем». В одной из таких продолжительных бесед в марте 1856 г.

© Рудник С. Н., 2015

П. Д. Киселев завел речь о недостатках «системы комплектования и организации войск» и поделился с племянником своими мыслями о том, как «достигнуть большей численной силы в военное время без отягощения народа и финансов в мирное» [4, с. 431]. Вскоре он прислал Милютину записку на 17 листах под названием «Соображения о составе и устройстве армии», сопроводив ее надписью карандашом: «Вот наши бредни, которые требуют пересмотра и развития по многим предметам. Хотя не полагаю, чтобы мысли эти были приняты, но тем не менее подчиняю их критическому разбору, дополнению и объяснению при случае». П. Д. Киселев предлагал по примеру существовавшей тогда во Франции системы ежегодный контингент рекрут делить на два разряда: одна половина поступала бы в действующую армию на полный срок службы, а другая — оставалась бы в домах в виде запаса для формирования в военное время резервной армии. Запасных рекрут предполагалось «один или два раза в год» призывать «в свободное время в уездные города» для обучения «военным построениям и стрельбе в цель», а по истечении 10 лет перечислять в ополчение. По мнению автора записки, в случае войны запасные, «не изнуренные» военной жизнью, но «приученные к военному делу», могли бы «увеличить состав армии в два и три раза» [12, л. 2, 4—5, 7 об.].

По желанию своего дяди графа Киселева Д. А. Милютин взялся более подробно разработать затронутый им вопрос и к концу марта 1856 года составил обширную записку (48 листов), озаглавив ее как «Мысли о невыгодах существующей в России военной системы и о средствах к устранению оных». Как справедливо отмечал выдающийся историк П. А. Зайончковский, «записка эта, в отличие от разных проектов, ставивших вопрос об отдельных изменениях существовавших армейских порядков, предполагала коренную реорганизацию всей военной системы» [3, с. 350]. По мнению Милютина, несмотря на то что русская армия насчитывала более миллиона солдат, опыт Крымской войны показал нехватку подготовленных людских резервов: «Число бессрочно-отпускных оказалось недостаточным по размеру тех сил, которые требовались для прикрытия непомерного протяжения границ <...>. Необходимо было прибегнуть в течение двух лет к нескольким экстраординарным и усиленным наборам и к призыву ополчения». Однако рекрутские наборы были «чрезвычайно» тягостны «для государства, истощая самый источник последующего комплектования армии», а ополчение «по своему составу не могло быть употреблено наравне с войсками регулярными». К тому же при проведении наборов, как рекрутских, так и ополчения, ощущался острый дефицит «кадров, офицеров и материальных средств для сего необходимых» [11, л. 7 об.].

Проанализировав на богатом статистическом материале системы комплектования в других государствах, Д. А. Милютин пришел к выводу, что в случае войны без рекрутских наборов и ополчения Россия могла бы увеличить численность своей армии лишь на 20%, тогда как Франция — на 70%, Австрия — вдвое, а Пруссия — в 5 раз [11, л. 9].

К другим недостаткам военной системы Д. А. Милютин относил распределение рекрут «по всем частям действующих войск» и, как следствие, отправку их к месту службы «на огромные расстояния от родины». Милютин, не жалея красок, описал тяжелые испытания, выпадавшие новобранцу: «Юноша не вполне еще созревший, не окрепший в силах» меняет сразу «и образ жизни, и привычки, и одежду», переселяется «в другой климат, в страну, населенную народом иноплеменным». Находясь вдали от родины, понимая, что впереди у него много лет службы, он «впадает в уныние». Тягости рекрут начинаются еще в дороге и часто приводят к печальным последствиям: «многие из рекрут не доходят даже до места назначения», другие приходят больными, а «новый климат, новая местность, иногда новая даже пища довершают губительное влияние дальнего похода». «Чрезмерная болезненность и смертность истребляют молодых солдат», — писал Д. А.

Милютин, — а те из них, кто выдерживал все тяготы и лишения дальнего похода, никогда уже не забудут «печальных впечатлений рекрутского присутствия и рекрутской партии». Многолетняя служба в чужих краях негативно сказывалась и на дальнейшей судьбе солдата. Он надолго терял связь с родиной и, «возвращаясь в бессрочный отпуск», часто уже не находил «ни своей семьи, ни прежних сродников». Отвыкший от крестьянского быта, «он становится в тягость общине или помещику», который к тому же смотрел на него «с подозрительностью и недоброжелательством» [11, л. 6—7].

Перечисляя недостатки «военного устройства» России, будущий военный министр понимал, что их невозможно устранить «какими-либо частными мерами без коренного преобразования» всей военной системы. В числе главных задач предстоящих реформ Милютин считал необходимым значительно сократить численность «войск в мирное время» и, одновременно, подготовить «на случай войны» достаточно средств «для усиления армии в большом размере». В его проекте звучат и другие, гуманные мысли. Например, он полагал, что, изменив порядок комплектования армии и «некоторым образом» сократив сроки службы, можно было «устранить настоящую непомерную смертность и болезненность в войсках, особенно же между рекрутами и молодыми солдатами». Главным препятствием на пути реформирования армии Д. А. Милютин считал крепостное право, существование которого не позволяло ни сократить срок службы в армии, ни увеличить число бессрочно-отпускных¹. Да и вообще крепостные порядки мешали «развитию народных сил» [11, л. 10—10 об., 12 об.].

В этой записке Милютин еще не отвергает рекрутскую систему, а лишь предлагает ее значительно модернизировать. Например, он считал важным, чтобы в армию брали молодых людей, достигших 20-летнего возраста (раньше призывной возраст был от 17 до 35 лет), и только по жребью (до этого «жеребьевую систему» использовали в «селениях государственных крестьян и в городских сословиях»). Развивая и конкретизируя мысли П. Д. Киселева о двух разрядах рекрут, автор записки полагал, что «запасные рекруты (кроме помещичьих)» будут обучаться военному делу в ближайшей от дома воинской части, отлучаясь для этой цели «недели на две, осенью или зимою» и «не выходя при том из пределов уезда» [11, л. 15 об.]. Таким образом, Милютин с самого начала был сторонником двух важных пунктов будущего Устава о всеобщей воинской повинности: призыва молодых людей одного года рождения и проведения среди них жеребьевки.

В мае 1861 года Д. А. Милютин вступил в управление Военным министерством, а 9 ноября был утвержден в должности военного министра. Возглавив министерство, он немедленно приступил к составлению общей программы реформ, которую представил императору 15 января 1862 года в виде всеподданнейшего доклада, разделенного на десять статей, посвященных разным отделам военного управления. Первыми пунктами программы значились организация и комплектование регулярных войск. Министр констатировал, что к концу 1861 года в регулярных войсках состояло по спискам 31 856 генералов и офицеров и 858 997 нижних чинов. По штатам военного времени армия должна была увеличиться до 1 410 027 нижних чинов, а «с присоединением иррегулярных войск <...> все наши вооруженные силы достигали 1 594 340 нижних чинов». Но, как свидетельствовал Милютин, «эта цифра была грозною только на бумаге», так как для пополнения кадров мирного времени до штатов военного времени у нас был запас всего лишь в 242 000 бессрочноотпускных, к тому же каждый год их число уменьшалось. Следовательно, для того чтобы привести все военные силы в полный состав, надо было

¹ Начиная с 1834 г. в связи с принятием мер для создания обученного резерва стали практиковать увольнение в бессрочный отпуск до окончания общего срока службы. Из гвардии освобождали после 22, а из общегвардейских частей после 15—20 лет пребывания в строю.

«произвести рекрутский набор в размере свыше 400 тысяч человек». И сколько времени потребовалось бы на то, чтобы одеть, обусть, снарядить, а тем более обучить такую «громкую массу новобранцев, и какова была бы армия, составленная на целую треть из рекрутов, только что взятых от сохи!». К тому же в случае большой европейской войны из этой громадной «цифры вооруженных сил» только часть могла быть задействована в боевых операциях, так как «почти треть всех войск находилась на Кавказе и других азиатских окраинах», часть войск «была необходима для обеспечения порядка и спокойствия внутри государства». Д. А. Милютин сделал неутешительный вывод: в случае необходимости Россия могла бы выставить на западной границе до 500 тысяч человек, но сил этих было бы недостаточно «даже для борьбы с одной Пруссией, а тем более с коалицией нескольких держав» [5, с. 247—250].

В ряду первоочередных мер военный министр предложил в ближайшие семь лет ежегодно набирать по 5 рекрут с 1000 душ и, увольняя нижних чинов в отпуск после 7—8 лет службы, в течение этого времени создать резерв из запасных приблизительно в 750 тысяч человек. Думал Милютин и над сокращением срока службы, но, по его собственному признанию, тогда он «не решился предложить слишком значительное сокращение» 10-летнего срока службы, «чтобы не поднять напрасно тревогу в нашей военной среде» [5, с. 252, 253]. Доклад 15 января 1862 г. явился краеугольным камнем в здании военных реформ, задуманных и затем осуществленных Д. А. Милютиным.

В докладе Милютин ставит задачу не только создать новую систему, которая бы обеспечивала планомерное пополнение вооруженных сил и подготовленные резервы на случай войны. Милютина волновал еще и нравственный аспект. Дело в том, что рекрутчина была самой тяжелой для народа из всех существовавших натуральных повинностей. Отбывание ее являлось уделом лишь податных сословий — крестьян и мещан, солдатских детей. Около 20% населения было освобождено от воинской повинности. Ежегодный контингент рекрутов с 1835 по 1854 г. составлял в среднем около 80 тыс. человек. Отдача в рекруты широко практиковалась в то время в качестве наказания за провинность. Рекрутские наборы сопровождалась жутким пьянством, вселенским воем, плачем по рекруту, которого провожали в армию, как провожали обычно покойника. В своих воспоминаниях Милютин писал: «В программу мою входило как неразрывное условие коренное изменение самого порядка рекрутских наборов. Существовавший тогда варварский порядок придавал набору тяжелый, удручающий характер. Взятые рекрутам велся счет наравне с податями; рекрутские квитанции имели ход как всякие другие ценные бумаги; «недоимки» считались половинками и четвертями рекрута. Самая процедура приема рекрут имела унижительную, суровую обстановку» [5, с. 253—254]. Добавим к этому коррупцию, которая процветала во время наборов, и становится понятно, почему в народе рекрутчина считалась наказанием, но никак не почетной обязанностью. Новый же военный министр стремился изменить такое отношение к службе.

После Крымской войны рекрутские наборы в империи не проводились 6 лет (позже Милютин признает такой большой перерыв ошибочным). В марте 1862 г. по инициативе военного министра при Государственном совете была создана особая комиссия для пересмотра рекрутского устава под председательством действительного тайного советника Н. И. Бахтина. Перед комиссией была поставлена задача в первую очередь уравнивать и облегчить эту повинность для народа, отменить существовавшие в рекрутском наборе варварские приемы, усугублявшие «в глазах народа тягость рекрутства» и унижавшие само «звание солдата» [6, с. 363].

Предложения Комиссии вошли в Манифест 1 сентября 1862 г. о предстоящем в следующем году новом рекрутском наборе. В рекрутский устав 1831 года, по которому

производилось комплектование армии, были внесены существенные изменения. Так, теперь рекрутские присутствия были открыты в каждом уезде. Впервые в их работе начали участвовать представители обществ, в частности городской голова, мировые посредники. Изменился возраст призывников. По прежнему закону принимали в рекруты мужчин от 17 до 35 лет. Теперь такие возрастные рамки были признаны не соответствующими современным условиям службы, требующим «от солдата грамотности, ловкости, достигаемой гимнастическими упражнениями, и хорошей цельной стрельбы». В комиссии возобладало мнение, что 17-летние еще не готовы переносить тяготы военной службы, а «заставить крестьянина, ходившего до 35-летнего возраста за сохой, приняться за грамоту или за гимнастические упражнения, значит требовать от него почти невозможного» [9, с. 388]. Поэтому по новым правилам рекруты не должны были быть моложе 21 года и старше 30 лет.

Некоторые изменения должны были подчеркнуть уважительное отношение к личности рекрута. Например, прежде, для того чтобы ускорить осмотр рекрут, их вводили в присутствие обнаженными и нередко, в ожидании очереди, целыми часами держали голыми в приемной комнате. Новый манифест предписывал вводить рекрутов в присутствие не раздетыми, а в рубахах. С места набора рекрут препровождали в войска «в своей привычной одежде, а не в виде арестантов».

Однако начавшееся в январе 1863 г. восстание в Польше и угроза войны со стороны европейских стран спутали планы Милютину по сокращению армии и вынудили правительство произвести в том году два рекрутских набора общей численностью 240 778 рекрут. Основная масса новобранцев (191 074 человека) были молодые люди от 20 до 25 лет, остальные в возрасте до 30 лет, и только 107 человек были старше 30 лет [16, с. 137—138]. Но к концу десятилетия задача, поставленная военным министром, была выполнена: путем увольнения личного состава, в основном старослужащих, к 1869 г. регулярная армия была сокращена до 683 тыс. человек. Теперь в случае войны, призывая из запаса людей, Россия могла выставить до 1,5 млн. военнослужащих. Однако к тому времени международная обстановка изменилась. Ведущие европейские страны по примеру Пруссии в 1860-е годы стремительно наращивали свою военную мощь, создавая подготовленные резервы на случай войны. В связи с этим, как отмечал Милютин, «возникал вопрос: достаточны ли те силы, которые могла нам дать в случае войны принятая в то время организация нашей армии, сравнительно с громадными вооружениями других государств?» [8, с. 123]

Именно с таким вопросом обратился к Д. А. Милютину его родной дядя граф П. Д. Киселев, который, находясь в отставке, последние годы долго жил в Швейцарии и внимательно следил за событиями в России и Европе. В 1865 году он отметил в дневнике, что следует изучить систему организации милиции в этой стране, а также волонтеров в США, так как в недалеком времени «великие постоянные армии» должны исчезнуть из «бюджетов защиты» и на смену им придет менее дорогая, но столь же «действительная для защиты отечества» армия. По его мнению, такая постоянная армия в России в мирное время должна была насчитывать не более 300 тысяч человек, «хорошо подготовленных и хорошо содержимых» [2, с. 370—371]. Своими мыслями Киселев поделился с племянником, военным министром, когда тот навестил его в августе 1868 года в Уши, близ Лозанны. Они откровенно поговорили о делах военного ведомства, и по итогам беседы 30 августа граф Киселев записал: «По моим убеждениям, мы не можем более оставаться при нашей системе рекрутского набора, имея перед собою вооружение целых наций». Однако, критикуя рекрутчину, граф не предлагал заменить ее призывом молодых людей всех сословий в действующую армию. Вместо рекрутчины он предлагал призывать в России

«под ружье всех годных для того людей и держать их на службе только несколько недель подобно тому, как это делается в Швейцарии», ибо, по его мнению, только таким способом можно было гарантировать защиту страны «без обременения народа» [2, с. 411].

Но как в 1856 году, так и теперь Д. А. Милютин сомневался «в том, чтобы можно было в таком государстве, как Россия, принять в основание организации вооруженной силы народное ополчение». Военный министр вполне справедливо утверждал, что даже в тех больших государствах, «где дано самое широкое развитие системе резервов под разными наименованиями: ландвера, ландштурма, национальной гвардии и т.п., — везде эти массы служат лишь вспомогательною, добавочною силой, в подкрепление постоянной армии, которая все-таки составляет главное ядро, центр тяжести вооруженных сил» [8, с. 123—124].

В своем кратком отчете за 1868 год Милютин докладывал императору Александру II об утопичности замены постоянных армий милициями. Указывая на невозможность в российских условиях замены регулярной армии ополчением, а подготовленных солдат подобием «тирольских или швейцарских стрелков», он, в частности, обратил внимание на два обстоятельства, препятствующих проведению военных сборов обывателей «для учебных строевых упражнений», а именно наш суровый климат и огромные расстояния. Кроме того, сборы «пришлось бы назначать в дорогое для рабочего класса время года, в ущерб народному хозяйству», с большими материальными расходами. В то же время Д. А. Милютин понимал важность создания «более или менее значительного резерва армии». В том же всеподданнейшем докладе 1 января 1869 года он предложил для создания обученного военному делу запаса людей сократить срок службы в войсках до 4 лет и, соответственно, увеличить ежегодный набор [8, с. 124—125]. Впрочем, сам военный министр признавал тогда, что даже если бы он и «разделял мнение о возможности замены постоянной армии вооружением народной массы», то встретил бы решительную оппозицию в лице почти всех военных авторитетов и военачальников, выступавших, по его признанию, «даже против всякого сокращения сроков службы» [8, с. 126].

Новый, решительный поворот в деле комплектования армии наступил в 1870 году. Молниеносный разгром Франции осенью этого года прусской армией, укомплектованной по принципу всеобщей воинской повинности, произвел сильное впечатление во всей Европе. Д. А. Милютин вспоминал: «Умы поражены были громадностью военных сил, развернутых Пруссией, совершенством их организации, быстрыми ударами, нанесенными могущественному врагу». Наблюдая успехи прусской армии и унижение французской, в Петербурге «заговорили о том, достаточны ли наши вооруженные силы для ограждения безопасности России в случае каких-либо новых политических пертурбаций в Европе» [8, с. 307]. Иными словами, правительственные круги выражали сомнение в обеспеченности России обученными резервами на случай большой войны.

Сомнения были не напрасны. Работа комиссии по пересмотру рекрутского устава шла медленно. Отчасти это было связано с преклонными годами и слабым здоровьем «почтенного председателя», члена Государственного совета Н. И. Бахтина. «Дабы двинуть дело энергичнее», в сентябре 1866 г. комиссия Бахтина была упразднена, председателю ее была объявлена высочайшая благодарность и подарена табакерка с портретом императора. Вместо прежней комиссии была создана новая под председательством начальника Главного штаба графа Ф. Л. Гейдена [7, с. 397]. Но главная проблема, тормозившая работу комиссии, заключалась в нерешенности основного вопроса о том, какая часть населения должна быть привлечена к призыву, а какие сословия или лица могут быть освобождены от него. В августе 1870 г. Д. А. Милютин получил одобрение императора на то, чтобы комиссия по пересмотру рекрутского устава не ограничивалась только

этой задачей, «а приступила неотлагательно к разработке нового устава о личной воинской повинности». Предполагалось отменить многие положения «прежнего рекрутского устава, носившего» родовые пятна крепостного права, и «разложить тягость воинской повинности по возможности на большую массу населения». По словам военного министра, «задача была щекотливая» [8, с. 308], так как упиралась в сословные привилегии и многочисленные дарованные в разное время льготы разным категориям населения.

Очевидно, что Милютин к этому времени пришел к окончательному выводу: рекрутские наборы изжили себя и не позволяли в случае войны мобилизовать требуемые людские ресурсы. Такого же мнения придерживался и бывший министр внутренних дел П. А. Валуев, оказавший Д. А. Милютину неоценимую помощь в инициировании вопроса о введении в России всеобщей воинской повинности. Летом 1870 г. он находился в Пруссии и наблюдал быструю мобилизацию прусской армии, громадное развитие ее вооруженных сил, единение народа и правительства («Везде развивается чувство солидарности с общим военным делом страны», — впоследствии писал он [13, л. 9]). Вернувшись из-за границы, в сентябре 1870 г. П. А. Валуев поделился с военным министром своими впечатлениями. Соглашаясь с теми мерами, которые предпринимало военное министерство, Валуев пошел дальше и высказал мысль о распространении обязательной военной службы на все сословия без исключения. Милютин также признавал, что «такое решение вопроса было бы самым рациональным». В то же время он понимал, что если инициатива подобного предложения будет исходить от него, то противники его реформ признают новую меру «революционной» и шансов на успех будет мало. Поэтому он убедил Валуева изложить письменно эти мысли и представить их Александру II от своего имени [8, с. 310]. Так и было сделано. Через несколько дней Валуев прислал Милютину записку, озаглавленную «Мысли невоенного о наших военных силах». Объяснив в ней причины успехов Германии, Валуев ставил затем вопросы: «возможно ли у нас если не принятие прусской системы, то по крайней мере приближение к ней?» и как подготовить «на случай войны» не только «резерв отпускных нижних чинов», но и нужный комплект офицеров, «не только для военного, но и для мирного времени?». Отвечая на эти вопросы, он приходил к заключению, что «достижение этой цели возможно только при распространении обязанностей военной службы, хотя бы с некоторыми ограничениями, на сословия, ныне по закону от этой обязанности изъятые» [13, л. 9—9 об.].

«Записку Валуева, — замечает Милютин, — я нашел вполне отвечающей цели и, по желанию его, лично представил Государю при своем докладе 5 октября в Царском Селе». Подавая эту записку, военный министр, по его собственному признанию, «мало рассчитывал на успешный результат». Тем радостнее было на следующий день получить записку обратно с такой резолюцией Александра II: «Совершенно совпадает и с твоими, и моими собственными мыслями, которые, надеюсь, и будут приводиться в исполнение по мере возможности». На другой день, 7 октября, Д. А. Милютин был с докладом у государя, который выразил полное одобрение инициатив военному министру. Воодушевленный поддержкой Александра II, в тот же день в своей комнате Царскосельского дворца Милютин набросал канву будущего устава всеобщей воинской повинности в России [8, с. 311—312]. В течение всего октября в Главном штабе шла подготовительная работа: собирались необходимые данные, делались предварительные расчеты, обсуждались основные черты нового устава.

4 ноября 1870 г. последовало Высочайшее повеление Александра II, в котором говорилось «о распространении прямого участия в военной повинности, при соблюдении некоторых особых условий, на все вообще сословия в государстве» [15]. С этого момента

правительственные планы о введении в России всеобщей воинской повинности стали достоянием общественности.

7 ноября 1870 г. военный министр представил Александру II записку «О главных основаниях личной военной повинности», в которой помимо прочего указывалось, что освобождение привилегированных сословий от рекрутской повинности «...более или менее оправдывалось крепостным правом и прежними тяжелыми условиями солдатского быта», но теперь, после проведения крестьянской и других реформ, «ничто, по-видимому, не препятствует справедливому распространению военной повинности на все сословия». При этом Милютин полагал, что в интересах государства и общества следует «допустить многие и существенные льготы» [14, л. 27], имея в виду как льготы по образованию, так и по характеру государственной и общественной деятельности.

17 ноября 1870 года были образованы две комиссии: одна — для разработки «Положения о воинской повинности», другая — для составления «Положения о запасных, местных и резервных войсках и государственном ополчении». Председателем обеих комиссий назначался начальник Главного штаба генерал-адъютант Ф. Л. Гейден. Общее руководство их работой осуществлял Д. А. Милютин. Комиссия для пересмотра рекрутского устава была закрыта.

Таким образом, исходя из имеющихся сведений, можно сделать вывод, что Дмитрий Алексеевич Милютин, которого современники называли «великим трудолюбцем» [1, с. 12], был главным инициатором перехода к новой системе формирования армии — всеобщей воинской повинности. Путь от рекрутчины к ней занял несколько лет. Всегда держа в уме главную задачу — сокращение армии и создание массового подготовленного резерва, — Д. А. Милютин в первые годы на посту военного министра одновременно стремился «очеловечить» рекрутчину, устранить наиболее жестокие ее черты, превратить службу из тяжелой повинности в почетную обязанность. И на этом поприще им было сделано немало. В то же время не сразу, но постепенно Д. А. Милютин и, надо полагать, другие сподвижники реформ поняли, что рекрутская система не может обеспечить армию достаточными на случай большой войны резервами. Отказаться от нее сразу реформаторы не могли, поскольку консерваторы в высших эшелонах власти не хотели нарушать сословных привилегий дворянства, не могли представить себе дворянских и купеческих сынов, стоящих в одном ряду с новобранцами из податных сословий и тянущих вместе с ними солдатскую лямку. С другими проектами (милиция, ополчение) военный министр не согласился, учитывая просторы России и природно-географические факторы. Отмена крепостного права, новый «дух времени» и стремительно меняющаяся внешнеполитическая обстановка (в первую очередь франко-прусская война) подтолкнули Д. А. Милютина и его единомышленников принять такое «революционное» решение, как переход к новой системе комплектования армии, взяв за основу принцип равенства всех сословий в деле защиты Отечества.

Список использованных источников и литературы

1. Бородкин М. М. Граф Д. А. Милютин в отзывах его современников. СПб. : тип. Гл. управления уделов, 1912. 37 с.
2. Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. Т. 3, ч. 2. СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1882. 448 с.
3. Зайончковский П. А. Д. А. Милютин. Биографический очерк // Милютин Д. А. Дневник. 1873—1875 / под ред. Л. Г. Захаровой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 338—404.
4. Милютин Д. А. Воспоминания. 1843—1856 / под ред. Л. Г. Захаровой. М. : Редакция альманаха «Российский Архив», 2000. 527 с.

5. Милютин Д. А. Воспоминания. 1860—1862. М. : Редакция альманаха «Российский Архив», 1999. 559 с.
6. Милютин Д. А. Воспоминания. 1863—1864 / под ред. Л. Г. Захаровой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 688 с.
7. Милютин Д. А. Воспоминания. 1865—1867 / под ред. Л. Г. Захаровой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 696 с.
8. Милютин Д. А. Воспоминания. 1868—1873 / под ред. Л. Г. Захаровой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 736 с.
9. О рекрутском наборе в 1863 году // Военный сборник. 1862. Т. 27, № 10. С. 385—392.
10. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 169. Картон 22. Д. 28.
11. ОР РГБ. Ф. 169. Картон 22. Д. 29.
12. ОР РГБ. Ф. 169. Картон 22. Д. 31.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 908. Оп. 1. Д. 28.
14. РГИА. Ф. 1275. Оп. 1. Д. 83.
15. Русский инвалид. 1870. 5 ноября. С. 1.
16. Столетие военного министерства. 1802—1902. Главный штаб. Исторический очерк. Комплектование войск с 1855 по 1902 год. Т. IV, ч. III. Кн. I. Отдел II. СПб., 1914.

Поступила в редакцию 15.09.2015 г.

Рудник Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент
Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»
Российская Федерация, 199106, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 21 линия, 2
E-mail: rudnik7@yandex.ru

UDC 94(47)“186/187”

S. N. Rudnik

On the way to general compulsory military service: D. A. Milyutin and “the sunset” of recruitment

Transition from recruitment to the general compulsory military service is a special reform among military reforms of the 1860—1870-s in Russia. D. A. Milyutin, who was the Minister of War, played a big role in developing the idea of equality of all estates in protecting the motherland. Milyutin and his adherents understood that in new historical conditions, recruitment couldn't strengthen the army. After the subsequent refusal from recruitment it took several years to commit the transition to a new form of completing the army. The article covers how reformers gradually came to the radical review of the conscription system.

Key words: army, recruitment, general compulsory military service, military reform, reserve, militia, statute, society.

Rudnik Sergey Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Associated Professor
National Mineral Resources University (Mining University)
Russian Federation, 199106, St Petersburg, 21st Line, 2
E-mail: rudnik7@yandex.ru

References

1. Borodkin M. M. *Graf D. A. Milyutin v otzyvakh ego sovremennikov* [Count D. A. Milyutin in the review of his contemporaries]. St. Petersburg, tip. gl. upravleniya udelov, 1912. 37 p.
2. Zabolotskiy-Desyatovskiy A. P. *Graf P. D. Kiselev i ego vremya. Materialy dlya istorii imperatorov Aleksandra I, Nikolaya I i Aleksandra II. T. 3, ch. 2* [Count P. D. Kiselev and his time. Materials for the History of Emperors Alexander I, Nicholas I and Alexander II. Vol.3, part 2]. St. Petersburg, 1882. 448 p.

3. Zayonchkovskiy P. A. D. A. Milyutin. Biograficheskiy ocherk [D. A. Milutin. Biographical sketch]. In: *Milyutin D. A. Dnevnik. 1873—1875 / pod red. L. G. Zakharovoy* [Milutin D. A. Diary. 1873—1875, ed. by L. G. Zakharova]. Moscow, 2008, pp. 338-404.
4. Milyutin D. A. *Vospominaniya. 1843—1856 / pod red. L. G. Zakharovoy* [Milutin D. A. Memories. 1843—1856]. Moscow, 2000. 527 p.
5. Milyutin D. A. *Vospominaniya. 1860—1862* [Milutin D. A. Memories. 1860—1862]. Moscow, 1999. 559 p.
6. Milyutin D. A. *Vospominaniya. 1863—1864 / pod red. L. G. Zakharovoy* [Milutin D. A. Memories. 1863—1864]. Moscow, 2003. 688 p.
7. Milyutin D. A. *Vospominaniya. 1865—1867 / pod red. L. G. Zakharovoy* [Milutin D. A. Memories. 1865—1867]. Moscow, 2005. 696 p.
8. Milyutin D. A. *Vospominaniya. 1868—1873 / pod red. L. G. Zakharovoy* [Milutin D. A. Memories. 1868—1873]. Moscow, 2006. 736 p.
9. O rekrutskom nabore v 1863 godu [About conscription in 1863]. *Voyennyi sbornik*, 1862, vol. 27, no 10, pp. 385-392.
10. *Otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki (OR RGB)* [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. F. 169. Karton 22. D. 28.
11. OR RGB. F. 169. Karton 22. D. 29.
12. OR RGB. F. 169. Karton 22. D. 31.
13. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive]. F. 908. Op. 1. D. 28.
14. RGIA. F. 1275. Op. 1. D. 83.
15. Russkiy invalid. 1870. 5 November, p. 1.
16. *Stoletiye voyennogo ministerstva. 1802—1902. Glavnyy shtab. Istoricheskiy ocherk. Komplektovaniye voysk s 1855 po 1902 god* [Centenary of the Ministry of War. 1802—1902. General Staff. Historical Review. Manning from 1855 to 1902]. Vol. IV, part III, book I, part II. St. Petersburg, 1914.